

Фантастическая ночь

Перевод Исаия Мандельштама

Файл с книжной полки Несenenko Алексея: <http://www.nesenenko.narod.ru/index.html>

Нижеследующие заметки были найдены в запечатанном конверте в письменном столе барона Фридриха Микаэля фон Р... после того, как он, обер-лейтенант запаса одного из драгунских полков, пал в сражении при Рана-Русской осенью 1914 года. Родные покойного, по заглавию и после беглого просмотра этих листков, решили, что это всего лишь литературный опыт; они предложили мне ознакомиться с ними и, если я сочту нужным, опубликовать. Я же, со своей стороны, отнюдь не считаю это вымышленной повестью, а до мельчайших подробностей правдивой исповедью усопшего и, скрыв его имя, предаю ее гласности без всяких изменений и добавлений.

Сегодня утром мне вдруг пришло в голову, что хорошо бы для меня самого записать события той фантастической ночи, в их реальной последовательности, чтобы, наконец, разобраться в них. И с этой минуты меня неудержимо тянет изложить письменно мое приключение, хотя я сильно сомневаюсь, удастся ли мне даже приблизительно описать все то необычайное, что произошло со мной. Я совершенно лишен так называемого художественного дара, нисколько не искушен в литературе, если не считать нескольких шуточных школьных опусов, никогда не пробовал писать. Я, например, не знаю даже, существует ли особая техника, которой можно выучиться, техника, позволяющая правильно сочетать изложение внешних событий с описанием чувств и мыслей, вызываемых ими; я задаюсь также вопросом, сумею ли я наделить слово надлежащим смыслом, смысл - надлежащим словом, добьюсь ли того равновесия, которое всегда безотчетно ощущаю при чтении хороших книг. Но я ведь пишу эти строки только для себя, и они вовсе не предназначены объяснять другим нечто такое, что я с трудом понимаю сам. Это всего лишь попытка наконец-то в какой-то мере отделаться от одного происшествия, которое непрестанно занимает мои мысли, волнует и терзает меня, а для этого я должен закрепить его на бумаге, вникнуть в него и рассмотреть со всех сторон.

Я не рассказал об этом ни одному из своих приятелей именно потому, что не сумел бы объяснить им самое существенное, да и как-то стыдно было сознаться, что столь случайное происшествие так меня потрясло и перевернуло. Ведь речь-то в конце концов идет о пустяке. Но вот я написал это слово и уже замечая, как трудно без подготовки выбирать слова надлежащего веса и как двусмысленно, маловразумительно может оказаться любое, самое простое обозначение. Ибо если я называю свое приключение "пустяком", то понимаю это, разумеется, только в относительном смысле, противопоставляя его великим историческим драмам, в которых решаются судьбы целых народов; кроме того, я имею в виду малую протяженность во времени - все произошло за каких-нибудь шесть часов. На меня же этот "пустяк" - этот, с общей точки зрения, мелкий, маловажный и незначительный случай оказал столь огромное влияние, что еще и теперь, спустя четыре месяца после той фантастической ночи, я им горю и должен напрягать все свои силы, чтобы сохранить его в тайне. Ежедневно, ежечасно перебираю я в памяти все подробности, ибо он стал как бы точкой опоры всей моей жизни. Все, что я делаю, что говорю, помимо моей воли определяется им, мысли мои заняты только тем, что снова и снова воспроизводят его и тем самым утверждают меня во владении им. И теперь я вдруг понял, чего не сознавал десять минут тому назад, когда взялся за перо: что я для того лишь пишу черным по белому об этом происшествии, чтобы иметь его перед собой, так сказать, в осязательном, вещественном виде, чтобы еще раз все пережить сердцем и в то же время охватить умом. Я только что сказал, что хочу от него отделаться - это неверно, это ложь: напротив, я хочу вдохнуть еще больше жизни в слишком быстро пережитое, наделить его теплым и живым дыханием, чтобы я мог постоянно к нему возвращаться. О, я не боюсь забыть хотя бы одно мгновение того знойного дня, той фантастической ночи; мне не надобно ни примет, ни вех, чтобы шаг за шагом снова пройти в воспоминаниях путь этих часов: в любое время, среди дня, среди ночи, я, словцо лунатик, безошибочно нахожу этот путь и вижу каждую подробность с той зоркостью, какую знает только сердце, а не зыбкая память. Я мог бы и сейчас уверенно нанести на бумагу очертания каждого листка в зеленеющем весеннем ландшафте, я еще теперь, осенью, ощущаю нежный, пыльный аромат каштанов в цвету; и если я все же описываю эти часы, то не из боязни их

А